

По старой доброй традиции гастрольное лето Кавминвод открыл Ставропольский ордена «Знак Почета» красной драматический театр имени М. Ю. Лермонтова. Зрители уже познакомились с новыми работами коллектива — спектаклями «Чинарский манифест» А. Чхадзе, «Порог» А. Дударова, «Женитьба Белугина» А. Островского, «Моя профессия — синьор из общества» Д. Скарначчи и Р. Тарабузи. Это своеобразный итог работы коллектива в мунувшем 137-м театральном сезоне. О поисках театром своего положительного героя ведут диалог театровед, доцент Ставропольского педагогического института З. М. Поздняева и главный режиссер театра, заслуженный деятель искусств РСФСР Р. П. Рахлин.

— З. П. Рафаил Павлович, вы не будете возражать, если мы начнем нашу беседу с определения ваших принципов строительства театра? И вот почему. Старшее поколение зрителей Ставрополя помнит вас по спектаклям 60-х годов, таким, как «Свет далекой звезды», «Поднятая целина», «Шестое июля» — в репертуаре тех лет совершенно четко определялась героико-романтическая линия. Как вам представляется репертуар Ставропольского театра сегодня?

Р. П. Спасибо за добрые слова, Зоя Михайловна. Но, как вы помните, и в 60-е годы репертуар Ставропольского драматического состоял не только из названных вами спектаклей. Были здесь постановки самой разной тематики, но вы правы — мы старались последовательно

ТЕАТР ИЩЕТ ГЕРОЯ

проводить линию героико-романтического отражения жизни. И в последующие годы театр неоднократно ставил на своей сцене спектакли этого направления. Конечно, они были не похожи на бессмертные шолоховские полотна, но жили рядом с ними, продолжая традиции советской драматургии. Ну, а самые свежие примеры — постановка в нынешнем сезоне пьесы А. Мережко «Пролетарская мельница счастья» — у нас она называлась «Мельница счастья». К сожалению, мы не показывали эту работу на Кавминводах, но ставропольцы могли отметить интересный, своеобразный ракурс показа начала строительства новой России в 20-х годах. Этой новизной позволяющей органично раскрывать тему новыми театральными средствами, и привлекла пьеса.

Вообще, само понимание романтики, точнее, ее содержания сегодня, изменилось. Вот главный герой «Чинарского манифеста» Бадри Ломидзе — восемнадцатилетний парнишка, седьмой председатель многострадального колхоза села Чинари. Может ли человек, лишенный романтического начала, добровольно взвалить на себя эту ношу? Вся пьеса, пронизанная острыми конфликтами, столкновениями характеров, отражает романтику наших дней.

Своей необычностью, свежестью пока за героики Великой Отечественной войны нас заинтересовала новая пьеса Стельмаха «Спроси когда-нибудь у трав». В центре ее — судьба молодого гвардейца, двух юных людей с их чистотой, светлой трагической любовью...

З. П. В этой связи мне представляется очень существенным вопрос о положительном герое. Во все времена он был не однозначным. Сто лет назад на страницы лучших романов, а затем и на сцену, пришли из жизни Рахметов и Базаров, Болконский и князь Мышкин. Эту галерею очень разных типов можно продолжать долго. Но, скажем, Екатерина из «Грозы» Островского вызвала споры

даже у единомышленников. Эта проблема всегда волновала общественное мнение и не была ему безразличной. Как же она решается в современной драматургии?

Р. П. И сейчас она не однозначна. Для меня очевидно одно: положительным героем можно назвать только такую личность, которая всей своей сутью способствует утверждению передовой морали общества.

Критерии подхода к категории положительного героя меняются вместе с изменением политических, социальных, нравственных устоев. Почему и герои Тургенева, Островского, Достоевского и наши современники — Чешков, Вобров, тот же Бадри Ломидзе вызывают споры? Да потому, что в них как бы сфокусирована та моральная новизна, устремленность в будущее, которая вступает в конфликт с устоявшимися взглядами. Кто они для обывателя, мещанина? Хвастуны и выскочки, как Бадри Ломидзе; чудачки, как сказочник Покутович из «Порога», у которого душа болит уже потому, что кому-то, кто рядом с ним, больно... Не каждый, думаю, оказался бы на той нравственной высоте, которую занимает в ряде экстремальных ситуаций и герой М. Роцина Мякишев («Спешите делать добро»). В положительном герое заключен некий моральный эталон, на который театр ориентирует зрителя. И задача актера — создать настоящее, живое, а не схематичные образы, не лишённые человеческих слабостей и достоинств. Как нам это удастся — судить зрителю.

З. П. В третьем номере альманаха «Советская драматургия» за 1982 год драматург Михаил Роцин писал: «История знает времена, когда зрителю поутру, если его убаюкивают полуправдой, развлекают правдоподобием, глядят по шерстке, поют только приятное и показывают только кукельно-красивое. Наше время иное. Нам нужна правда». Как вы относитесь к этому?

Р. Р. Я согласен с драматургом Роциным. Театр обязан разговаривать с публикой по самым высоким требованиям к себе и к нему. Зритель должен уходить из театра с чувством удовлетворения диалогом (именно так и нужно представлять феномен театра). А этого можно добиться лишь обостренной правдой характеров и ситуаций. В спектаклях по пьесам Шатрова, Гельмана, в том же «Чинарском манифесте» или «Пороге» правда в том смысле, в каком она интересует советского зрителя, звучит очень убедительно и откровенно.

Но художественная правда должна быть талантливой. Зритель иногда подменяет правду истории правдой факта и принимает за злободневность, гражданскую зрелость, дешевый прием выхватывания из жизни отдельных ситуаций, типов, которые еще встречаются в художественной литературе, драматургии. Это не критическое осмысление явлений. Это просто злопыхательство. Художник всегда должен помнить, во имя чего он обнажает пороки.

З. П. Мы с вами подошли еще к одному очень важному моменту дискуссии о положительном герое. Драматург Алексей Казанцев так сформулировал свой взгляд на положительного героя: это не обязательно конкретный человек, положительным героем пьесы часто становится сумма понятий, важно, «куда направлена энергия пьесы». Против этого возражать трудно, ибо пафос произведения или всего творчества писателя, его мировоззрение всегда решают общее значение пьесы или спектакля. Но не кажется ли вам, что и у Роцины, и у Казанцева ощущается неприятие положительного героя, с наибольшей яркостью и силой выражающего дух времени, каких сегодня так много в жизни? Не идут ли в этом случае драматургия и жизнь параллельными дорогами?

Р. Р. Я, Зоя Михайловна, не совсем согласен с вами прежде всего в том, что мы можем советовать автору создавать

положительного героя по каким-то стандартам. Очень хорошо, что персонажи Роцины и Казанцева не вписываются в наше представление о нем. Но они, положительные, у обоих драматургов есть, и мне доводилось ставить пьесы и того и другого автора. Мы можем спорить, отдавать предпочтение, допустим, положительному герою Гельмана или Арбузова, — это, в конце концов, вопрос зрительского пристрастия...

Безусловно, согласен с Казанцевым в том, что современная драматургия нашла новые формы создания понятия положительного героя. Возьмите «Порог» Дударова. Его идеал существует вообще, как говорится, за кадром. И проявляется только в контрасте с отрицательными героями, вызывающими неприятие их образа жизни, морали, тем самым подводя нас к моральному эталону автора. Сегодня, пожалуй, действительно более важно, «куда направлена энергия пьесы».

З. П. Это, пожалуй, для нас с вами. Но вы же знаете, что сегодня на Западе идеологи буржуазии отрицают существование положительного героя, как и метода социалистического реализма. Один из таких «интерпретаторов» писал: «Положительный герой, которого требуют повелители и руководители неопытного «социалистического реализма», это Антуан, которого нет, поскольку он всего лишь фантом, отражение недействительности. Метафизически он приговорен к смерти». Наверно, разбить эти взгляды можно живой практикой нашего искусства и литературы. Вы со мной согласны?

Р. Р. Нас «интерпретируют» уже более 60-ти лет! А развитие нашего общества идет своим чередом, рождая новых и новых героев и в жизни и в искусстве. Разве им понять силу и правду айтматовского Едигея или абрамовских Пелагеи и Альки, стельмаховских молодого гвардейца или мудрых старцев Лескова? Им не понять, хотя советская драматургия с каждым годом завоевывает все больше сцен мира. Но наш зритель ждет встреч с этими героями.

Беседу записали
Н. ЕВТУШЕНКО,
А. ШЕВЧЕНКО.